

12+

ОБРАЩЕНИЕ К СЕРДЦУ

Пробуждение к
суфийскому пути

Сорок вопросов и ответов

Шейх Аль-Тарикат Хазрат Азад Расул

Шейх Аль-Тарикат Азад Расул

**Обращение к сердцу:
Пробуждение к суфийскому пути**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Азад Расул Ш. Х.

Обращение к сердцу: Пробуждение к суфийскому пути /
Ш. Х. Азад Расул — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В мире материализма и нескончаемого потока информации человек нередко забывает о духовной сути жизненного пути. Ритм жизни не даёт возможности отстраниться от суеты и заняться духовным развитием. Книга знакомит с вековой традицией суфизма, которая помогает найти баланс между материальным и духовным и даёт простые ответы на сложные вопросы, которые волнуют современного человека. "Обращение к сердцу" - это возможность прикоснуться к древней мудрости Востока, оставаясь в миру, и через духовные практики познать Реальность, обращаясь к своему сердцу.

© Азад Расул Ш. Х., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Предисловие	6
Биография автора	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Публикация подготовлена российским отделением Школы суфийского учения:
www.sufischool.ru

При упоминании Пророка Мухаммада в книге используется арабский факсимильный значок – (значок №1) – означающий традиционное приветствие– «салла-ллаху алейхи ва ахлихи ва саллам» (да благословит его и семейство его Аллах и да приветствует его).

Имена других пророков и ангелов сопровождаются факсимильным значком (значок №2), означающим «алейхи ас-салам».

После имен сподвижников Пророка (вставить первый значок) используется значок – (значок № 3) означающий, «радыя-ллаху анху/анха» (да будет доволен им/ей Аллах).

За именами суфийских наставников и святых следует значок – (значок №4) – означающий «рахмату-ллахи алейхи/алейха» (да пребудет над ним/ней милость Аллаха).

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Всем искренним ученикам, ищущим истину

Предисловие

В сегодняшнем мире, мире смятения, сеющего разлад между целыми народами и отдельными людьми, и затрагивающего многие сердца, суфизм, к счастью, дает надежду. Многих путников, томящихся от жажды в пустыне современной культуры, влекут светозарные источники, вокруг которых суфии всегда собирались, помогая и другим жаждущим отыскать к ним путь. Иным обитателям пустыни зачастую достаточно лишь капли воды, имени Бога или мудрого слова. Помимо них, академические ученые и студенты также заинтересовались – а некоторые вдохновились – поэзией таких суфиев, как Руми, другие же почувствовали влечение к изучению мастеров суфийской прозы – аль-Газали и Ибн Араби. Таким образом, суфизм важен для многих не только по личным причинам. Научное изучение суфизма (также известного, как исламский мистицизм) – его литературы, философии, психологии и истории – уже более ста лет занимает важное место в исследованиях мусульманской культуры на западе.

Книга «Обращение к сердцу: пробуждение к пути суфия» предлагает вниманию тех, кто изучает суфизм, некоторые важные аспекты этого учения. В лаконичной форме вопросов и ответов данный текст позволяет читателю взглянуть на историю суфизма глазами живого представителя одной из действующих суфийских традиций, но отнюдь не история суфизма как таковая, находится в его фокусе. Скорее, эта работа – одно из зеркал, в которых отражаются устремления человеческого духа, находившие свое выражение в суфийской традиции на протяжении(и) более двенадцати столетий.

Хазрат Азад Расул представляет линию мастеров, начало которой положил Сейид Абд аль-Бари Шах, индийский шейх девятнадцатого века.

В лице Абд аль-Бари Шаха соединились линии шести суфийских мастеров: он получил полномочия вести обучение в орденах Накшбанди, Муджаддиди, Кадир, Чишти, Шазили и Карани. Каждый из этих орденов являет собой образец формализованной науки с собственными уникальными терминами и методами, составляющими часть духовного наследия, известного как «тасаввуф». Большинство из них сыграло активную роль в мистическом движении, которое вдохнуло новую жизнь в извечные духовные поиски человечества во всем исламском мире.

Хотя на протяжении последних восьмисот лет Суфизм характеризовался суфийскими орденами (*тарики* – ед. ч., турук мн. ч.), возглавляемыми шейхами, в начальный период формирования Суфизма (с восьмого по одиннадцатый век н. э.) орденов, как таковых, не существовало. Скорее, на стадии своего становления он определялся взаимодействием суфийских традиций Хорасана и Багдада*. Второй крупный период суфийской истории наступил с образованием орденов, в основу которых положена линия передачи посвящения от мастера к ученику. Одним из наиболее значимых был (и остается) орден Накшбанди, который унаследовал традиции Хваджаган из Туркестана – преемников Маламати из Нишапура (в Хорасане) – и занял главенствующее положение среди суфийских орденов Трансоксании уже в четырнадцатом веке.

Известными учителями линии Хваджаган являются ее основатель, Хваджа Абу аль-Хасан аль-Харкани (ум. 1033), и Юсуф Хамадани (ум. 1140). В то время как некоторые мистики этой эпохи делали акцент на любви к Богу и единении с ним, учителя Хваджаган также подчеркивали необходимость преодоления самости. Юсуф Хамадани говорил: «Все знают, что любовь – это высшая сила, объединяющая человеческое существо с Богом, но тот, кто не свободен от самости, не способен любить». Его преемник, Хваджа Абдель Халик Гудждувани (ум. 1179), усовершенствовал методы духовного воспитания и через его учение принципы ордена стали доступны для широкой публики.

Хваджа Бахауддин Накшбанд (ум. 1389) сыграл центральную роль в дальнейшем распространении ордена по всему Туркестану. Он реформировал практики, добиваясь их большей эффективности. Техника, которую он использовал, известна как *индираж ан-нихая фи'ль-бидая* – «воплощение конца в начале» – что в данном случае означает изменение последовательности выдачи практик. Вместо того чтобы вначале сосредотачиваться на «я», искателям предписывалось концентрироваться на сердце (*калб*). Бахауддин и его последователи полагали, что внимательное отношение к сердцу усиливало восприимчивость к присутствию Бога и что приток божественной любви, в свою очередь, может трансформировать «я». Основопологающая роль Накшбанди в истории данного ордена подтверждается тем фактом, что его именем в дальнейшем был назван сам орден.

В конце шестнадцатого века Шейх Ахмад Фаруки Сирхинди (ум. 1625) реформировал доктрину и практики ордена Накшбанди. Он стал известен под именем *Муджаддид-и альф-и тани* («Реформатор второго [мусульманского] тысячелетия»), и линия передачи, нисходящая от него, известна как «Накшбанди-Муджаддида». Отвергнув многие нововведения в суфийской практике, которые появились в Индии, он подчеркивал ключевую роль исламского закона (*шари'а*) для духовных поисков. Он также восстановил характерную для Накшбанди вовлеченность в политическую борьбу. В отличие от других индийских суфиев, он следовал доктрине единства бытия в том, что касается видения (*вахдат аш-шухуд*) – в соответствии с этой доктриной высшая стадия духовного пробуждения заключается в свидетельствовании или переживании единства с Богом, по достижении которого человек, тем не менее, продолжает осознавать различие между собой и Богом. Данная доктрина отвергала учение *вахдат аль-вуджуд*, или единства божественного бытия, согласно которому не существует ничего, кроме Бога, и конечная стадия единства подразумевает отождествление с Ним. Кроме того, важной частью реформы Ахмада Фарука Сирхинди стало то, что он, хорошо понимая духовные потребности современных ему духовных искателей, усовершенствовал учения Накшбанди. Он выявил десять центров сознания (*лата'иф*) в человеческом теле и реорганизовал практики, связанные с этими центрами. Его усилия способствовали распространению ордена среди разных народов, включая население Афганистана, Турции и Сирии. В конце девятнадцатого столетия Сейид Абд аль-Бари Шах внес дополнительные изменения в доктрину и практику ордена Накшбанди-Муджаддида, чтобы облегчить продвижение учеников.

Орден Кадири был основан шейхом Абд аль-Кадиром Джилани (ум. 1166) из Ирака. Абд аль-Кадир Джилани возглавлял школу ханбалитского права и давал лекции в своей *ханаке* (суфийская ложа) в Багдаде. Проповеди, с которыми он выступал там, дошли до нас в работе «Божественные речи» (*аль-Фатах ар-Раббани*). Представляя правовую и мистическую традиции, он основал систему духовного обучения и очищения, которая строго следовала учению Корана и преданиям (хадисам) о Пророке. Его сыновья и другие представители этого учения распространили методы и доктрины ордена по всему исламскому миру. Сегодня орден распространен от Марокко до Малой Азии и далее до Малайзии.

Шейх Абу Исхак из Сирии (ум. 940) основал орден Чишти – один из самых распространенных и влиятельных в Индии. Начиная с десятого века, этот орден играл ключевую роль в исламизации многоконфессионального населения этого субконтинента. Больше всего последователей орден привлек в тринадцатом веке, когда им руководил шейх Моинуддин Чишти (ум. 1236), похороненный в Аджмере. Под его именем данная линия (духовной передачи) известна и сегодня.

К числу наиболее выдающихся членов ордена относился шейх Баба Фаридуддин Гандж-и Шакар (ум. 1265-7), чьи афоризмы стали неотъемлемой частью индийской традиции суфийской мудрости. Шейх Низамуддин Авлия (ум. 1324-5), наиболее прославленный ученик Бабы Фаридуддина, возглавлял орден в период политических потрясений, ознаменовавших четырнадцатое столетие в Индии. Под его руководством влияние ордена распространилось по всей

Индии. Почитание святых всех религий и вера в то, что служение другим людям благотворнее аскетических подвигов, привлекли к нему множество последователей – мусульман и индуистов. Мистический зов ордена, основанный на доктрине *вахдат аль-вуджуд* («единство божественного бытия»), наряду с приверженностью идеям ненасилия, служением людям и благотворительностью определили его социальный облик, который оказался привлекательным для самых разнообразных людей. Примечательно, что чистки не требовали обращения в ислам для получения наставлений в мистической науке и практиках. Для них принятие ислама было следствием изменений, вызываемых практиками ордена, а не предварительным условием для участия в практиках.

Орден Шазили восходит к аскетической традиции Северной Африки. Шейх Абу аль-Хасан Шазили (ум. 1258), который основал этот орден в Египте, родился в Марокко, где он прошел обучение духовным дисциплинам у Ибн Машиша (ум. 1228). В то время, когда преобладала доктринальная традиция и формальные нормы поведения, а суфизм в Египте стал институтом государства, Шейх Абу аль-Хасан и его преемники, Абу аль-Аббас Мурси (ум. 1287) и Ибн Ата Алла (ум. 1309), утверждали объединяющую роль исламской духовности. Они подчеркивали, что кораническое откровение и поведение под верным руководством неразрывно связаны с гнозисом.

От учеников ожидали досконального изучения, как исламского закона, так и духовных дисциплин, а так же их поощряли иметь семью и профессию. Особенность Шазили состоит в том, что это скорее духовная школа, нежели централизованный институт или суфийский орден. С самого своего основания данная структура сохраняла гибкость, что позволило ей адаптироваться в многомерном социальном и историческом контексте. Сегодня орден широко представлен в Северной Африке и на Ближнем Востоке в виде произошедших от него ответвлений, таких как Даркави, Харраки и Алави. На Западе Шазили нашел свою нишу, вызывая интерес у многих людей, ищущих путь к более глубокой духовной жизни.

Сейид Абд аль-Бари, наделенный полномочием обучать во всех вышеперечисленных орденах, посвятил свою жизнь передаче их доктрины и практик. Однако представление им различных орденов не так важно, как то, что он привнес в их учение и передаваемые знания. Он распространил технику Накшбанди-Муджадиди *индираж ан-нихая фи'ль-бидая* в других орденах, упорядочил практики и создал пошаговую систему духовного обучения, подходящую для соискателей, имеющих работу и семью. Разрешение вести обучение в русле линии Сейида Абд аль-Бари Шаха перешло к Хазрату Хамиду Хасану Алави (ум. 1959), а от него – к Мухаммаду Саиду Хану (ум. 1976). Преемник последнего – автор настоящей работы.

Формат вопросов и ответов, в котором написана эта книга, воскрешает в памяти форму, использовавшуюся в самых ранних суфийских трудах, созданных Хакимом Тирмизи (ум. 869), Харисом аль-Мухасибом (ум. 857) и Абу Абдар-Рахманом ас-Сулами (ум. 1021). Это придает данной работе характер духовного общения, особой связи, формирующей отношения учитель-ученик. Широта рассматриваемых вопросов выводит представленное здесь учение за рамки концептуальной или чисто академической работы на уровень прожитого опыта.

Азад Расул не пользуется сложными терминами, тем не менее, слова его оказывают глубокое воздействие и погружают читателя в неповторимую природу описываемого пути. Книга «Обращение к сердцу: пробуждение к пути суфия» затрагивает на разных уровнях процесс духовной трансформации и способ ее достижения.

Касаясь вопросов человеческой духовности и психологии, настоящая работа актуальна, как для специалистов в этой области, так и для обычных читателей. В сфере религиозных исследований или на занятиях по истории она послужит примером суфийской методологии, представляемой современным учителем, который принадлежит к мусульманской духовной традиции. Читатели, занимающиеся изучением психологии, понимаемой как наука о человеческой душе и ее состояниях, найдут в этом учении сокровенный диалог с самим собой и

богатство суфийского технического языка, который разрабатывался на протяжении нескольких столетий на огромном географическом пространстве. И наконец, этот труд предлагает всем, кто стремится глубже понять человеческий дух, одно из свидетельств бесконечного духовного поиска человечества.

Кеннет Л. Хонеркамп

Атенс, штат Джорджия

Кеннет Ли Хонеркамп, выпускник университета Аль-Карауин в Марокко и университета Экс-ан-Прованса, отредактировал и перевел несколько работ Абу Абдурахмана ас-Сулами (ум. 1021), а также книги «Расаиль аль-Кубра» Ибн Аббада из Ронды (ум. 1390). В настоящее время он занимает должность доцента на кафедре религии университета Джорджии в Атенсе.

* См. предисловие к *Stations of the Righteous, The Stumblings of Those Aspiring* by Abu Abd al-Rahman al-Sulami, K. Honerkamp, Part Two of Three Early Sufi Texts (Fons Vitae, 2003).

Биография автора

Хазрат¹ Азад Расул родился в городе Канкроли в индийском штате Удайпур в 1920 году. С детства он проявлял сильный интерес к духовным поискам. Его юный ум рано стали занимать эзотерические вопросы: «Существует ли какая-либо сила за пределами физической и ментальной сферы человеческого опыта? Есть ли Бог? Если Бог Един, почему религии различаются?» Наблюдая за молящимися людьми, он задавался вопросом: «Действительно ли на молитвы дается ответ? Или они просто оказывают психологическое воздействие?» Подобными вопросами Хазрат задавался с самого раннего возраста.

Детство Хазрата прошло в Канкроли – древнем священном городе индуистов. Крупный индуистский храм в этом городе привлекал паломников со всей Индии, что позволило молодому Азаду Расулу повстречать многих образованных и набожных людей. Переехав позднее в другой город, чтобы продолжать обучение, Хазрат возвращался в Канкроли на летние каникулы. В юные годы он часто обсуждал имевшиеся у него вопросы с духовными мастерами.

Хазрат поступил на начальный уровень в Институт Джамиа Миллия и там же продолжал обучение на старших курсах. Сочетая академическую работу с духовными наклонностями, он получил степень бакалавра по изучению исламской культуры и арабского языка. Затем он получил вторую степень бакалавра – на этот раз в сфере образования – в университете Аллахабада. Два профессора Джамиа Миллия сыграли важную роль в жизни Хазрата. Профессор М. Муджиб, преподаватель истории, был выпускником Оксфорда и автором многих книг, в том числе «Мусульман Индии». Описывая профессора Муджиба, Хазрат называет его «славым человеком», который хотя формально и не являлся последователем суфизма, обладал природой и личностными качествами суфия.

Снова и снова профессор Муджиб повторял Хазрату: «Все стремятся *взять* что-нибудь. Ты должен стать тем, кто может что-то *дать*». Эти слова произвели глубокое впечатление на юношу, впоследствии определив выбранную им профессию.

Вторым профессором, повлиявшим на Хазрата, был д-р Э. Дж. Каллат, добрый и образованный христианин. Помимо преподавания английского языка, д-р Каллат отвечал за спортивную программу колледжа и работал тренером хоккейной команды. Хазрат, который был капитаном своей команды, стал близким знакомым д-ра Каллата. «Он преподавал нам важный урок, – вспоминает Хазрат. – Он сказал: “Станьте человеком. Сначала заслужите, а потом желайте”. Другими словами, вы должны обладать необходимыми качествами, прежде чем получить что-либо». Хотя он сам и не был мусульманином, д-р Каллат учил своих студентов «пытаться быть хорошими, возрожденными мусульманами». Он часто приглашал Хазрата к себе домой, где они читали и обсуждали отрывки из Библии, затрагивая вопросы христианского мистицизма, так же как и другие темы.

Уважение д-ра Каллата к разным вероисповеданиям углубило интерес его студента ко всем религиям. «Я мусульманин по рождению, – объяснял Хазрат, – однако я не всегда был доволен верой, которую унаследовал. Как только я стал достаточно компетентен, чтобы перестать ассоциировать себя с ней, я вступил на путь исследования с открытым умом и сердцем. Я освободился от уз традиционных авторитетов и распахнул свой ум для всех влияний».

Хазрат исследовал истинность многих религиозных систем. Он искал ответы на свои вопросы в священных текстах различных конфессий, вступал в дискуссии с богословами и атеистами, и познакомился с современными философскими и естественнонаучными методами. Он настолько увлекся Бхагавадгитой, что перечитывал ее снова и снова и, в конечном итоге, выучил некоторые ее части наизусть.

Хазрат также изучал духовные практики и экспериментировал с ними, пытаясь понять, стоит ли какая-либо неизменная реальность за явлением, которое мы называем «жизнью». Он исследовал йогу и Веданту, омывался в священной воде Ганги, вел жизнь «брахмачарьи» (человека, соблюдающего безбрачие и целенаправленно изучающего йогу) и занимался другими йогическими практиками. Он также погрузился в академическое изучение индуизма. Обучаясь на степень магистра философии в Мусульманском университете Алигарха, он специализировался, как на индуистских, так и на мусульманских философских системах.

Однако его сокровенное желание оставалось неудовлетворенным. Хазрат все еще не нашел тот путь, который искал.

После получения степени магистра Хазрату предложили заняться докторской диссертацией в Соединенных Штатах. Он отказался. Решив следовать наставлению профессора Муджиба – давать, а не брать – он стал работать на факультете университета Джамиа Миллия, хотя мог получить более высокооплачиваемую и престижную должность в любом другом учебном заведении. Многие из его сокурсников не упустили ни единой возможности повысить свой статус и благосостояние, Хазрат же остался в борющемся за существование, начинающем университете, полный решимости служить своим студентам, даже если будет предан осмеянию за свой «идеализм».

Преданность Хазрата Джамиа Миллия основывалась на вере в то, что не существует лучшей работы, чем обучение детей и формирование их характера. Цель школы состояла в подготовке юношей к тому, чтобы стать добропорядочными гражданами, патриотами Индии и настоящими мусульманами, а не инструментами «британской машины», которая доминировала в Индии до провозглашения независимости. Все преподаватели в Джамиа Миллия трудились над этой задачей с рвением миссионеров.

В то время университет Джамиа Миллия не получал государственных субсидий. Его доход полностью состоял из грантов, пожертвований, помощи общины и платы за обучение. Зарплат преподавателя был минимален. Хазрат получал сорок рупий в месяц. Д-р Закир Хусейн, ректор Джамиа Миллия, впоследствии ставший президентом Индии, получал лишь восемьдесят рупий. Однако сам труд был вознаграждением для преподавателей. Они исполняли свою работу, как служение Богу – работали ради самой работы.

Служение детям было для Хазрата одним из тех поприщ, на котором его желание найти смысл жизни обрело свое выражение. Кроме того, он продолжал исследовать природу существования философскими и духовными методами. Поступив работать на факультет, он стал помощником профессора Муджиба, что дало ему возможность периодически встречаться с этим человеком для обсуждения рабочих вопросов. Часто они заканчивали дела за двадцать минут и затем в течение часа обсуждали суфизм в свете современной философии и естественных наук.

Однако, несмотря на годы непрестанных исканий и усилий, Хазрат чувствовал разочарование. В душе он полагал, что предпринятый им поиск тяжел, если вообще осуществим.

Хазрат уже почти отчаялся, когда от своего друга Р.Р. Вахиди он узнал, что суфийский мастер Хазрат Шейх Мухаммад Саид Хан (значок №4) направляется в их края. Шейх преподавал арабский язык в школе в Азамгархе (штат Уттар-Прадеш) и приехал на курсы переподготовки в Матхуру – город, расположенный рядом с Вриндаваном, недалеко от Дели.

Г-н Вахиди предложил Хазрату встретиться с Шейхом Саидом Ханом (значок №4) и Хазрат согласился. Оглядываясь назад спустя годы, он говорил: «Я подумал: хорошо, наверное, мне стоит пойти. Может быть, я смогу получить какое-нибудь наставление от этого человека».

Хазрат отправился в Матхуру, надеясь на благоприятную возможность. По прибытии в мечеть его направили в покои шейха. Подойдя к комнате, он увидел внутри (через открытую дверь) сидящего человека, просто одетого, с круглым головным убором. Человек заметил Хаз-

рата и пригласил его войти. Хазрат вручил ему рекомендательное письмо, которое шейх прочитал с одобрением.

Затем Хазрат рассказал шейху, зачем он пришел. Он объяснил, что ищет уже много лет и испробовал разные пути. В завершение он сказал: «Если в вашей науке есть что-то настоящее, пожалуйста, наставьте меня в ней. Однако если ваше учение – лишь разговоры в угоду людям, тогда я предпочел бы не терять ни свое, ни ваше время».

Услышав все это, шейх ответил: «Это путь опыта. Начни, и увидишь, что получится». И ни слова более.

Этот краткий ответ возымел немедленное действие. Хазрат рассказывал: «В тот момент я почувствовал отрешенность от мира и мое сердце наполнилось расположением к этому шейху. Я ощутил любовь в своем сердце». Хазрат тотчас же попросил Шейха Мухаммада Саида Хана (значок №4) принять его в ученики.

С той самой первой встречи Хазрат стал ждать возможности увидеться с учителем Шейха Мухаммада, Хазратом Хамидом Хасаном Алави (значок №4). В следующие зимние каникулы у него такая возможность представилась. Проведя время с Шейхом Алави (значок №4), Хазрат пришел к выводу, что Бог, наконец, ответил на его молитвы. Он был полностью убежден, что нашел верного человека и верный путь, которые удовлетворят его жажду и внутреннее стремление. Так началось путешествие Хазрата.

В суфизме Хазрат обрел удовлетворение, так долго от него ускользавшее. Он также обнаружил более глубокий смысл в религии, в которой был рожден. Несколько десятилетий спустя он заметил: «Сейчас я мусульманин не потому, что принадлежу к мусульманской семье, а потому, что открыл ислам посредством собственной устремленности, исследований и опыта».

Хазрат учился у Шейха Мухаммада Саида Хана (значок №4) в течение тридцати лет, сопровождая шейха в путешествиях и проводя с ним время в его доме в Азамгархе. Хазрат старался быть внимательным к наставлениям шейха, а тот с щедростью откликался на это.

В конечном итоге Хазрат получил разрешение наставлять искателей в сокровенных и глубоких учениях пяти орденов² суфизма: Накшбанди, Муджаддиди, Чишти, Кадири и Шазили. Наконец, пришел день, когда Шейх Мухаммад Саид Хан (значок №4) сказал ему: «Все, что я получил от своего шейха, я передал тебе. Теперь жди Божьего благословения, ибо успех зависит от Его милости и доброты. Он не приходит в результате совершаемых тобой усилий». Затем он процитировал Коран: «Аллах дарует Свою милость, кому пожелает»³.

В свои первые годы на пути Хазрат, подобно многим новым ученикам, стремился посвящать все свое время медитации и молитве. Однако изучающих «тасаввуф»⁴ не просят отрешаться от мира, скорее им следует «быть в мире, но не от мира». Обусловленность, склонности и модели поведения глубоко укоренены в нашей повседневной жизни и именно здесь, на этой территории, их следует преодолевать. И опять же, именно на этой территории можно служить Богу и Его творению. Когда Хазрат сообщил Мухаммаду Саиду Хану (значок №4) о желании оставить работу и полностью посвятить себя духовной практике, шейх запретил ему делать это. Мирской труд – неременное условие успеха на пути, объяснил он. Хазрат продолжил работать преподавателем и позднее возглавил Джамиа Миллия, уйдя на покой после тридцати шести лет работы в школе.

Пока его шейх был жив, Хазрат направил свои усилия на то, чтобы сделать суфийские учения более доступными. Долгое время его расстраивало то, что в Индию приезжали люди со всего света в поисках истины, но лишь немногие открывали для себя преимущества суфийского пути. Большинство склонялись к более известным школам веданты и йоги. Найти техники было легко. Гуру ездили по всему миру и открывали учебные центры. Признаки настоящего продвижения, однако, были более, чем редки, в особенности если иметь в виду такое

продвижение, которое отражает потребности людей, вынужденных жить и работать в современном обществе.

Будучи убежден, что суфизм может удовлетворить стремления современного искателя, Хазрат задумал создать школу, предлагающую инструктаж в русле пяти основных суфийских орденов. С согласия своего шейха и под его руководством он создал Институт поиска истины, расположенный в Нью-Дели, директором которого до сих пор является.

В последние несколько лет Хазрат открыл отделения Института в Великобритании, США, Германии, Франции, Польше, Турции и Австралии. Много лет назад, следуя принципу «жить, чтобы давать, а не брать», Хазрат отказался от возможности путешествовать. Сегодня тот же самый принцип принуждает его совершать поездки за рубеж для встреч с учениками со всего света. Он без усталости помогает искателям в обретении духовного знания – так же, как его шейх помогал ему.

В этом кратком биографическом эссе раскрываются основные качества того, кто изучает суфизм и требования к нему. Жизнерадостность, вера, доверие и искренность Хазрата Азада Расула – верный ключ к внешнему и, что наиболее важно, внутреннему успеху. Его способность превращать любую трудность в возможность для роста и поклонения (*ибада*) – признак настоящего суфия.

С самых ранних лет Хазрат горячо желал открыть смысл и цель жизни. Он предпринял попытку найти учителя и как только нашел его, упорно следовал советам наставника, пока не достиг цели. Все это время он продолжал исполнять мирские обязанности – будучи мужем, отцом, дедом, школьным преподавателем, директором, лидером общины и уважаемым старейшиной. Уход на пенсию еще не означал уход от мира. Скорее, он стал посвящать еще больше времени своему духовному призванию и служению, что вылилось в строительство Института, сооружение мечети и *ханаки* (суфийского учебного центра), при этом он продолжал уделять время своим семейным обязанностям. Тем самым Хазрат Азад Расул демонстрирует на практике то, о чем на словах рассказывается в этой книге. Со школьных лет вплоть до настоящего времени его жизнь является воплощением бытия Суфия.

Эта книга предназначена как для тех, кто мало знает о суфизме, так и для уже знакомых с ним и желающих глубже понять его. Представленные здесь диалоги познакомят новичков с суфизмом и его преимуществами. Многие опытные искатели найдут в них инструменты, способствующие духовному продвижению. И те и другие откроют для себя сокровищницу прозрений и интуиций, озаренную светом того, кто успешно следовал пути «тасаввуфа».

В недавнем разговоре Хазрат отметил: «Сейчас я часто работаю и путешествую на Западе. Это трудная задача, но я полон надежд, поскольку Господь пообещал Хазрату Сейиду Абд аль-Бари Шаху (значок №4), шейху шейха моего учителя, что его орден распространится “от Востока до Запада и от суши до моря”. С этой надеждой я прикладываю все усилия, чтобы выполнить определенную работу на Западе. Инша’алла (если Бог пожелает), однажды эти усилия увенчаются успехом».

Я никогда не сомневался, что в чистоте Хазрата и его учения находится секрет умиротворенности, благополучия и знания об этом мире («дунья») и мире невидимого (*гайб*). В течение более двух десятилетий мне было позволено сопровождать этого праведного наставника. Каждый день, каждая встреча, как внутренняя, так и внешняя, подтверждают правильность практического, мусульманского пути суфизма. Многие из моих разговоров с Хазратом проникнуты радостным смехом или юношеским восторгом. Вся атмосфера (вокруг него) наполнена проничательностью, мудростью и чувствительностью, которые проистекают лишь от глубокой веры, бесчисленных часов медитации и глубокого почитания жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.